

Национализм как идеология

С.Г. Кара-Мурза

Представления о нации неразрывно связаны с понятием *национализма*. Это — две стороны одного и того же явления. В практическом плане понимание взаимосвязи между нацией и национализмом важно в связи с межнациональными конфликтами внутри государства и между национальными государствами. Как видится сегодня сущность национализма?

Очевидно, что национализм как идеология — сравнительно недавнее явление, он возник именно в связи со становлением нации. Предполагают, что, как и вообще идеология, национализм возник во Франции конца XVIII в. Б. Андерсон считает, что условием для распространения национализма стало появление *печати*, в результате чего возникла возможность синхронизации мыслей и чувств большого числа людей. Это создало условия для появления общности людей, которые, не зная друг друга, тем не менее воспринимали происходящие события сходным образом.

Как и всякая идеология, национализм с самого начала выполнял *политические* задачи, возникавшие в процессе строительства нации и обретения ею суверенитета. Прежде всего это были задачи подрыва легитимности «старого» монархического порядка и легитимации нового, буржуазного общественного строя. Эти задачи были актуальны, и национализм был весьма мало обращен в прошлое — он был *практическим* и *рациональным*. Иногда национализм считают идеологией индустриального общества, равноположенной либерализму и социализму. Если так, то надо учитывать тот факт, что реальные идеологические системы обычно имеют более сложную, гибридную структуру, так что националистическим может быть и социализм, и либерализм, и их космополитические разновидности.

Национализм — не столько «учение», сколько *особое устройство взгляда*: «национальная идея» — не картинка, а окно, сквозь которое смотрят на мир, выискивая там интересное для «национального интереса»; хороший националист видит свой интерес *везде*. Поэтому интенсивные поиски «национальной идеи» — очень плохой признак. Если на эту тему много говорят и пишут, это означает одно из двух: либо этой идеи нет и неизвестно, где ее взять, либо она есть, но через предлагаемое окошко «ничего не видно», или ее почему-то стыдятся, как стыдятся рассматривания «неприличностей».

Как и все понятия, связанные с проблематикой этничности, слово «национализм» имеет множество смыслов, так что воспринимать его надо с осторожностью, всегда учитывая контекст высказывания. Это понятие нередко толкуют

расширительно, как следование национальному духу или даже как синоним *патриотизма*. Но патриотизм не сводится к национализму, он даже перекрывается с ним лишь в малой степени.

Патриотизм — необходимая часть любой государственной идеологии, но сам по себе несущей опорой не служит — он должен быть сцеплен с идеями, устремленными в будущее и «гарантирующими» реализацию патриотических ценностей. Как государственная идеология, патриотизм утверждает «*вертикальную*» солидарность — приверженность личности к стране. В нем нет акцента на многие ценности «низшего уровня», скрепляющие этническую общность, даже столь широкую, как нация. Напротив, национализм активизирует чувство «*горизонтального товарищества*», ощущения национального братства («всех французов» или «всех немцев»).

Поэтому нередкие попытки противопоставить предосудительный национализм уважаемому патриотизму не могут иметь успеха — речь идет о явлениях, лежащих в разных плоскостях. Например, С.Н. Булгаков так пытался развести национализм и патриотизм в России в начале XX в.: «Национальное чувство нужно всегда держать в узде, подвергать аскетическому регулированию и никогда не отдаваться ему безраздельно. Идея избрания слишком легко вырождается в сознание особой привилегированности, между тем как она должна родить обостренное чувство ответственности и усугублять требовательность к себе...»¹.

Почему же с момента становления наций и зарождения национализма в Западной Европе русская культура испытывала неприязнь к этой идеологии? Достоевский противопоставлял ему «всечеловечность», с ним соглашались философы, особенно православные. Это противопоставление стало частью русской культуры, частью коллективного бессознательного. Показателем нетрадиционности национализма для русских является тот факт, что его постулаты практически не воспринимаются большей частью нашего общества, причем как на «простонародном» уровне, так и в среде интеллигенции.

Но национализм настолько необходим для существования нации, что утверждение о его предосудительности и попытка заменить патриотизмом не имеют смысла. Можно осуждать лишь какие-то выверты национализма, как и любой другой формы сознания. В чем тут дело?

Первая причина в том, что наша интеллигенция восприняла у немецкой философии романтическое представление о нациях, согласно которому они даны нам «свыше». Вл. Соловьев видел в нации воплощение воли Провидения, предназначавшего каждой части человечества свою миссию (он писал: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»). Если так, то национализм есть вмешательство в дела Провидения и лишь искажает смысл предназначения.

Вторая причина в том, что практика национализма на Западе вызвала у русских отвращение. Как было сказано выше, создать нацию можно лишь ослабляя различия частей этого населения, ослабляя их этничность, — «иных» надо преобразовывать в «своих». И англичане, и Наполеон, и Бисмарк собирали на-

---

¹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции). В кн.: С.Н. Булгаков. Христианский социализм. Новосибирск: Наука. 1991. С. 183.

цию «железом и кровью». Россия же собирала и строила территорию и общее культурное ядро нации при сохранении этничности разных народов. Отвергая западные технологии нациестроительства, русское общество не принимало самого понятия *национализм* как идеологии, связанной с этими технологиями. Говорили — *народность*.

Насколько сильно ощущение необходимости националистической компоненты в сознании людей, говорит тот факт, что разоблачения националистических мифов обычно не наносят им большого вреда.

Э. Кисс пишет: «Некоторые формы национализма могут пройти через процесс демистификации и сохранить при этом свою легитимность и силу. Люди способны ощущать себя французами, поляками или словенцами и идентифицировать себя с этими культурами даже в тех случаях, когда они осознают всю искусственность и относительную историческую недавность их сотворения. При всей своей искусственности движения национального “пробуждения” стали реальностью и сделали возможными те достижения, которыми националисты могут заслуженно гордиться, как могут они, например, гордиться великими произведениями литературы. Национализм может наделять людей чувством собственного достоинства и принадлежности к обществу, что отвечает вечным потребностям человека»².

Национализм не «освобождается» от связки с другими идеологиями и мировоззренческими системами, а лишь трансформирует их (как и они его). Например, имперский национализм современных США сцеплен с доктриной глобального капитализма с его идеологическим фундаментализмом и одновременно космополитической идеей «золотого миллиарда».

Народ рассматривают как «совокупность людей, конкурирующую с другими народами (другими совокупностями людей) в Большом времени — т. е. как *субъект конфликта, протекающего в Большом времени*»³. Иными словами, если племя живет настоящим и прошлым, не проецируя свое бытие в отдаленное будущее, то народ соединяется на основе *проекта будущего*. Он живет в историческом времени, устремленном далеко вперед. Нация и является той формой организации общности, которая создает такую возможность.

К середине XVI в. Россия уже воспринималась на Западе как большое национальное государство, представляющее угрозу государствам Европы. Тогда возникла целая программа западного национализма в отношении России, которую и следует назвать термином *русофобия*. С тех пор она развивалась и дополнялась, но главная доктрина осталась той же самой: «русские — это варвар на пороге». Эта развитая и сложная идеологическая конструкция могла сложиться лишь в рамках зрелого национального сознания в отношении зрелого противника. В Средние века такого концептуального оформления столкновения между народами не получали.

---

² Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука. 1994. С. 151.

³ Чернышевский И. Русский национализм: несостоявшееся пришествие // Отечественные записки. 2002. № 3.

Развитие национализма как мировоззренческой и идеологической конструкции изначально было расщеплено на два течения, которые, переплетаясь, и конфликтовали между собой, и поддерживали друг друга. Если считать человеческие общности системами, то эти два течения в национализме можно различить по отношению данной общности к ее среде (более крупной системе) и к ее элементам — более мелким общностям. В этом смысле национализм одновременно был идеологией *разделения* и идеологией *объединения*.

В истории Европы это проявилось таким образом. В Средние века идеалом государственности, организующей общежитие народов Европы, считалась *империя*. Шли непрерывные войны между династиями, претендующими на главную роль в объединении Европы в империю — продолжательницу дела Римской империи. Поддерживалась роль двух важных объединяющих инструментов — единого культурного языка, которым служила латынь, и единой, жестко централизованной Римской католической церкви.

Церковь вела активную политическую деятельность по построению «все-ленского» христианского государства с подчиненным ей императором, которого она «помазует» на царство. Папа римский имел исключительное право быть наставником светских властей, и споры относительно этого права решались даже военной силой. С особенной силой римская церковь преследовала уходящие корнями в античную культуру стремления к языческому «симбиозу» общества и власти, которые и были провозвестниками грядущего национализма.

Становление наций и выразилось прежде всего в конфликте с церковью, поскольку светские власти стали подчинять себе национальные церкви. Ослабление клира и упадок монастырей стали важным условием усиления национального государства. Идеология национализма, разделяющего империю, с самого начала была антиклерикальной и мобилизовала в поддержку нового типа государства антиклерикализм широких масс. В этом конфликте главную поддержку национализму оказала Реформация. Была отвергнута латынь как язык «межнационального религиозного общения», богослужение стало переходить на национальные языки.

Наибольшей интенсивности борьба националистов против церкви достигла в момент Великой французской революции, когда интеллигенция, воспитанная Просвещением и опиравшаяся на антицерковные чувства масс, выработала целостную светскую идеологию и проект *создания народа*. Таким образом, в отношении наднациональных европейских структур нарождавшийся национализм был *разделяющим*. Он одержал победу и над имперской светской властью, и над единой централизованной церковью, и над классическими культурными традициями. Однако внутри образовавшихся национальных государств эта идеология по отношению к региональным этническим общностям была объединяющей.

На устранение этнических различий и «фабрикацию» единообразных граждан, одинаково понимающих нормы и права нового общественного порядка с его антропологией *свободного индивида*, были направлены все средства господства национального государства, включая школу и СМИ. Различия изживались так интенсивно, что Европу иногда называют «кладбищем народов».

Наступление этого объединительного национализма, разрушающего этничность малых народов, вызывало сопротивление, в том числе сепаратизм — борь-

бу за отделение от большого национального государства. Так возникал «национализм периферии» — как протест против государственной формы «большой» нации. Однако, становясь идеологией сопротивления национальному государству, этот национализм периферии, как правило, имитировал формы и язык государственного национализма, ставил целью обретение малым народом статуса *нации*.

Этносы, оказавшиеся на положении меньшинств в больших национал-государственных проектах, отказываются принять такую логику. Они прилагают понятие «нация» к самим себе. Так, «идеология национализма из интегрирующей силы превращается в дезинтегрирующую»⁴.

В наиболее завершенной форме такой национализм периферии сложился в ходе борьбы колоний за свое национальное освобождение. Таким образом, в современной западной этнологии различают два крайних вида национализма. Первый, условно называемый *евронационализмом*, возник в Новое время в ходе образования национальных государств в Западной Европе, второй — *этнонационализм* — сформировался в XX в. в ходе национально-освободительной борьбы колоний.

Важно подчеркнуть, что названия эти именно условны, ибо характерные черты еврационализма присущи националистическим идеологиям многих незападных народов (назовем проект китайского национализма, созданный Сунь Ятсеном, или, в своих основных чертах, советский национализм, начиная со второй половины 1930-х гг., за вычетом особого военного периода). С другой стороны, к жесткому типу этнонационализма относятся идеологии многих политических движений европейских народов с конца 80-х гг. XX в. (например, в Прибалтике или в последние годы на Украине). Для нас самое главное заключается в том, что эти две идеологии, обозначаемые одним и тем же именем национализма, являются принципиально несовместимыми. В пределе это — враждебные друг другу идеологии, но при этом в реальной общественной практике они, как правило, переплетены, что и делает сферу этнических отношений исключительно сложной и чреватой конфликтами.

Приведем самые главные различия между двумя видами национализмов, на которые указывает Дж. Комарофф (курсив мой. — С. К-М):

«Еврационализм предполагает светское государство, основанное на *универсалистских* принципах гражданства; этнонационализм же ставит во главу угла культурную *специфику*, подчеркивает *духовные* начала своей природы...

Как правило, еврационализм признает правовую и политическую юрисдикцию по принципу *территориальности*, в соответствии с которым суверенитет политической общности совпадает с ее географическими границами. В противоположность этому, даже при наличии суверенной территории и государства, этнонационализм склонен требовать лояльности от своих членов независимо от места их пребывания и вследствие этого часто становится *транснациональным* по характеру, если имеются сильные и активные диаспоры.

Даже проецируя свою историю в далекое прошлое и изобретая свои собственные традиции, еврационализм обычно признает *историчность* своего

---

⁴ Там же.

происхождения, часто относя его на счет неких героических действий людей, и подает свою историю в виде исторического повествования о серии подвигов, дат и смертей. Из этого следует, что упор в евронационализме делается скорее на *хронологию*, чем на *космологию*, и, если перефразировать Ренана, — на забвение прошлого...

Этнонационализм, напротив, ищет свои корни во временах незапамятных, приписывая себе черты *изначальной сущности*. Его генезис часто объясняется вмешательством сверхъестественных сил, а его прошлое, независимо от того, выражается ли оно в повествовательной форме или нет, может быть спрессовано и представлено в виде “традиции” или “наследия”. В этом случае *космология* превалирует над *хронологией*; коллективная память воспринимается как решающий фактор для выживания группы; а различия рассматриваются, при всем непостоянстве в уровнях терпимости, как неизбежные и неискоренимые.

С точки зрения евронационализма, этнонационализм представляется примитивным, иррациональным, магическим и прежде всего угрожающим; с точки же зрения этнонационализма, который при взгляде изнутри предстает вполне рациональным, евронационализм по-прежнему воспринимается как изначально колониальное по своей природе явление, в котором отсутствуют человечность и общественная совесть»⁵.

Из этого сопоставления видно, что этнонационализм исходит из представления этнических оснований нации в понятиях *примордиализма* как изначально данной сущности. В политической практике националисты, использующие эту идеологию, обращаются к обыденному сознанию, мобилизуя присущий ему примордиализм, — притом что сами эти идеологи в настоящее время чаще всего являются *конструктивистами*. Они именно конструируют политизированную этничность, манипулируя массовым сознанием в партийных целях.

Теоретик этнонационализма Энтони Смит (сам приверженец примордиализма) считает, что мифы, которые лежат в основе национализма, имеют у разных народов сходную структуру. Это предание о древних общих прародителях, своей земле и древней государственности, вера в существование «золотого века» в жизни этого народа, который сменился упадком, бедствиями, переселением, но в заключение — вера в будущее возрождение. Как указывают другие этнологи, эта общая схема повторяется далеко не всегда, хотя основные ее компоненты в том или ином виде присутствуют.

Важно, что в этнонационализме и вообще в национализме периферии делается очень сильный акцент на *прошлом*, которое мифологизируется в соответствии с политической задачей, а также на создании *образа врага*, который якобы виновен в тех бедствиях, которые перенес народ в прошлом. Нация в этом случае объединяется на негативной основе — общим бедствием и общим врагом в прошлом. Это бедствие и образ этого врага нередко переносятся в настоящее (и даже становятся неустранимой частью будущего) с нарушением норм рациональности и здравого смысла.

---

⁵ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука, 1994. С. 58–59.

Реальное бедствие (война или глубокий кризис) неминуемо вызывает всплеск этнонационализма. В этих ситуациях он становится средством мобилизации национальных сообществ в защиту своих интересов. При глубоком кризисе, когда разрушаются сложившиеся системы ценностей, нормы поведения и материальные условия жизни, массы людей видят в своей национальной общине островок стабильности и связи с традицией. Это островок порядка, которому угрожает хаос. Националисты, объединенные общей целью (например, возрождения нации), представляются организованной силой, которая и вносит порядок в жизнь людей. Участие в этой их борьбе дает ощущение связи человека с другими людьми его национальности, придает высокий смысл индивидуальному существованию.

За последние двадцать лет мы были свидетелями множества трагедий целых народов, в массовом сознании которых этнонационализм вышел из-под контроля. Так, он в короткий срок разрушил Югославию.

Наглядной иллюстрацией последствий, к которым может привести взрыв этнонационализма, служит разожженный во время перестройки вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе. В Грузии, где вооруженные столкновения на национальной почве (в Абхазии и Южной Осетии) были прекращены при участии российских миротворческих сил, этнонационализм тоже загнал страну в порочный круг тлеющего противостояния. За период 1996–2002 гг. социальная дистанция между грузинами и другими народами увеличилась, при этом меньшинства относятся к грузинам лучше, чем грузины к меньшинствам. Отношения ухудшились даже в среде студентов, которые в середине 1990-х гг. были группой с самым высоким уровнем толерантности⁶.

Политическая задача разрушения советской государственной и социальной системы потребовала подрыва всех типов связей, скреплявших «империю зла» и ее общественный строй. Государственная идеологическая машина с конца 1980-х гг. вела интенсивную пропаганду с целью возбудить этнонационализм всех народов, включая русский. В этой кампании принимала и принимает активное участие и националистическая элита. В результате был подавлен тот державный, объединяющий национализм, который был характерен для официальной советской идеологии. Вместо него была создана множественная система агрессивных этнонационализмов, которые стали разделять как народы между собой, так и родственные этнические группы отдельных народов (иногда с откатом их к племенной и родоплеменной структуре).

Пассивное сопротивление этому давлению в той или иной степени оказывали практически все народы. Наиболее устойчивым был, естественно, русский народ, в котором сохранялось самоосознание государствообразующего народа. Здесь наблюдаются сдвиги от советского имперского национализма к национализму гражданскому, который послужил бы идеологической основой для продолжения сборки большой полиэтнической нации в новых условиях как политической нации.

В результате, параллельно со стимулированием разделяющего этнонационализма в РФ ведется интенсивная кампания по дискредитации и подавлению

---

⁶ Джавахишвили Н. Этнорелигиозные стереотипы грузинских студентов // СОЦИС. 2005. № 3.

национализма гражданского (условно говоря, российского «евронационализма»). В этой кампании антисоветские идеологи работают на три фронта. Прежде всего они эксплуатируют сохранившиеся в массовом сознании стереотипы советского интернационализма, в котором ради упрощения само понятие национализма было выхолощено и приравнено к *национальному эгоизму*. Это было одной из самых тяжелых деформаций советского обществоведения. Она не только лишила общество развитых интеллектуальных инструментов для понимания этнических процессов, но и отгородила советскую интеллигенцию от важного для России опыта нациестроительства других стран (в советском идеологическом пространстве не было, например, места для рассуждений Сунь Ятсена о «сокровище национализма»).

Второй фронт нынешней кампании против национализма в РФ — противопоставление национализма демократии и идее прав человека.

Третье направление — провоцирование этнических конфликтов и проявлений ксенофобии (для которых кризис создал питательную среду) с последующей гипертрофией этих событий с помощью СМИ.

Вместо попыток подавления национализма демократическим силам следует выработать политику *согласования*.

Вот смысл разумной и эффективной демократии — «уважение к законным устремлениям националистов при одновременном соблюдении прав человека». На практике чаще встречается полное неуважение к законным устремлениям националистов, лишение их доступа к СМИ, провокации и попытки подавления. А на деле тупое применение перенесенных из другой социокультурной реальности демократических норм означает дискриминацию народов — причем не только меньшинств, но иногда и этнического большинства населения.